

ИТАЛИЯ

При поддержке

Ольга Власова

«Ваши министры моложе наших»

Россия сегодня воспринимается в Италии как молодая и динамичная страна. Ее масштабы и огромный потенциал привлекают итальянских бизнесменов. О том, чего еще друг о друге не знают итальянцы и русские, «Эксперту» рассказал посол Италии в России Антонио Дзанарди Ларди

— В этом году Италия празднует 150-летний юбилей со дня объединения. Тем временем Европа переживает довольно сложный период. В ЕС звучит много опасений относительно последствий европейской интеграции, критикуется сложившаяся экономическая ситуация. Не могли бы вы на примере Италии рассказать, в чем все-таки заключаются преимущества Евросоюза, какие выгоды страна получает от членства в нем?

— Преимущества членства в ЕС для Италии очевидны. Мы были одним из основателей этого объединения, одним из первых главных партнеров ЕС. Мы верим, что в будущем Европа станет сильным политическим сообществом, каждый член которого сможет внести свой вклад в решение проблемы нестабильности, проблемы роста. Таким образом, мы довольны политическим аспектом. Безусловно, страны — члены еврозоны пострадали от серьезного кризиса, как и весь остальной мир, но я не думаю, что дефолт евро возможен. И, вероятно, если бы евро не существовало, ситуация в нашей стране могла бы быть еще хуже. Трудные времена, которые Европа и весь мир пережили и переживают до сих пор, помогут укрепить европейское сотрудничество, но не должны ослабить его.

— Существуют две версии будущего европейской интеграции. Согласно первой, ЕС необходимо стать более сплоченным. Вторая, в которой заинтересована Великобритания, предполагает, что Европейский союз будет неким экономическим клубом с очень слабыми внутренними связями. Какая из моделей кажется вам более привлекательной?

— Италия всегда была в числе стран, которые считают углубление сотрудничества необходимой частью европейского процесса. Мы должны стремиться к солидарности и укреплению связей. Европейский союз не должен быть просто большим клубом стран, мы хотим настоящей интеграции, политической интеграции. В то же время мы признаем, что Европа должна расширяться, потому

АЛЕКСАНДР ИВАНЧОК

что в течение многих лет мы обещали расширение и включение в ЕС балканских стран — Хорватии и Сербии, — поэтому мы не собираемся тормозить этот процесс.

— Какие страны помимо балканских, по вашему мнению, смогут присоединиться к ЕС в будущем?

— Возьмем, к примеру, Турцию, которая уже много лет является кандидатом на вступление. Известно, что этот процесс столкнулся с некоторыми трудностями. В Европе существует много разных точек зрения на необходимость вступления Турции в ЕС. Но решение должно быть единогласным. Европа должна уже определиться, как поступить с Турцией, которая продолжает оставаться кандидатом. И конечно, Италия поддерживает кандидатуру Турции и не поменяет свою позицию по этому вопросу.

— Давайте перейдем к результатам, которых Италии удалось достичь за 150 лет с момента объединения. Каковы они?

— Я считаю, что Италия является Италией именно потому, что она едина. При этом едина в многообразии. Если бы я был из другой страны, я на-

шел бы Италии интересной благодаря многообразию культур, людей, подходов. Многообразие — это необходимый элемент Италии. Маленькая, раздробленная Италия не играла бы большой роли в Европейском союзе. И я думаю, что роль Италии велика именно потому, что она была объединена, как бы мы это ни оценивали, нравится нам это или нет. Поэтому для меня значимость объединения очевидна, необходимо понимать истинное значение его результатов.

— В настоящий момент есть мнение, что между Севером и Югом Италии все еще существует достаточно сильная оппозиция. Какова ситуация на самом деле, в вашем понимании?

— В семьях, в обществе, на предприятиях оживленные дебаты необходимы, и у нас они действительно оживленные. Я думаю, что в Италии население, считающее, что страна могла бы быть разделена на две или три части, представляет очень незначительное меньшинство. Сейчас ведутся дискуссии о выработке новых механизмов финансирования сферы здравоохранения, городских служб и так далее. Главная тема, которая обсуждается сегодня, — как добиться справед-

ливого распределения средств и эффективности, и это по понятным причинам очень оживленная дискуссия, поскольку перераспределение означает, что деньги перейдут из одного кармана в другой.

— Заинтересована ли Италия в интенсификации процесса вовлечения стран арабского Юга в европейское пространство?

— Италия всегда позиционировала себя как мост в Средиземноморье. Отношения с Тунисом, Алжиром, Ливией, Египтом — один из приоритетов как нашей внешней политики, так и нашего бизнес-сообщества. До кризиса Италия занимала первое место по экспорту товаров в североафриканские страны и на Ближний Восток. Мы и дальше намерены работать в этом направлении, играть роль моста в страны, которые находятся так близко к нам, страны, которые на протяжении многих веков были нашей опорой. Часть Римской империи возникла на территориях Туниса, Ливии, поэтому на юге Италии существует сильное чувство близости с жителями Северной Африки. Для нас важно продолжать сотрудничество с ними, принимать их студентов в наши университеты, взаимодействовать с бизнес-партнерами из этих стран.

— Как вы считаете, может ли у Европы появиться больше возможностей в этом регионе после недавних событий?

— Я не знаю. Нестабильность не способствует укреплению отношений. Конечно, наша двусторонняя торговля на некоторое время пострадает. Мы должны признать, что даже предыдущие правительства во многих странах были очень открыты к отношениям с Европой. Новая ситуация, с которой мы столкнемся в Северной Африке в ближайшем будущем, будет очень динамичной и потребует много усилий и политической воли для перезапуска отношений. Я не думаю, что со стороны новых правительств мы увидим принципиально другой подход. Молодежь, использующая интернет, бизнесмены признают, что Европа является для них самым близким и самым важным партнером.

— Могут ли эти страны в ближайшем будущем присоединиться в том или ином виде к европейскому пространству в широком его понимании?

— У нас с североафриканскими странами существует много форм и механизмов сотрудничества, и, конечно, Европа будет пытаться возродить и реконструировать отношения с ними. Мы верим в будущее, в котором Средиземное море, я имею в виду другую часть Средиземного моря, будет ближе. Несколько лет назад я работал в Европейском университете

во Флоренции, который является одной из самых крупных кузниц кандидатов наук в мире. Мы приложили огромные усилия к тому, чтобы предложить филологическое образование студентам из Средиземноморья, создать предпосылки к тому, чтобы университеты были способны поддерживать средиземноморский диалог. Около 30 студентов из Ливана, Египта, Алжира, Туниса и других стран получили докторскую степень. Необходимость этого процесса в Италии очень сильно чувствуется.

Реальность очень сложна. Никто не мог предсказать то, что произошло в Северной Африке. Никто не сможет предугадать, как ситуация будет развиваться, потому что это только середина процесса, который не был глубоко проанализирован и изучен. Единственное, что можно сказать: мы хотим сотрудничать с этими странами. Культурные, человеческие, экономические связи слишком прочны, чтобы их разорвать. Это очень банально, но это суть проблемы. Мы должны найти способ наладить с этими странами конструктивные и позитивные отношения, и мы приложим все усилия, чтобы сохранить нашу особую позицию в Северной Африке.

— Очевидно, что отношения между Италией и Россией находятся в очень хорошем состоянии. Видите ли вы какие-то области, в которых есть потенциал для более интенсивного развития?

— Отношения между Италией и Россией затрагивают все сферы деятельности: культуру, политику, экономику, образование. Очень сложно сказать, что мы могли бы сделать еще. Мы можем углубить сотрудничество во всех этих сферах. На мой взгляд, мы должны расширить свое присутствие в российских регионах. Мы преимущественно представлены в Москве, Санкт-Петербурге и еще двух-трех регионах. Компании, итальянские бизнесмены должны установить личные контакты с региональными лидерами. Россия настолько большая, что если мы попытаемся ее обойти, знакомясь с людьми и пытаюсь сделать что-то вместе, то откроем для себя другую вселенную, новую реальность. Итальянским компаниям необходимо расширение не только для того, чтобы больше продавать, но и для того, чтобы наращивать производство, получать преимущества. Таким образом, развивать отношения нужно во всех сферах. И здесь нельзя не сказать о Годе итальянской культуры в России. Мы много делаем в этом направлении. Результаты будут видны через год-два. Мы пытаемся укрепить имидж Италии в вашей стране. Речь идет не только о Караваджо или

Боттичелли, но и о глобальном имидже Италии, итальянской продукции, итальянских компаний, партнеров. Наша основная задача — наладить более тесное сотрудничество между деятелями культуры. Сегодня благодаря интернету и возможности путешествовать у нас есть огромное количество контактов, гораздо больше, чем десять, двадцать, сорок лет назад, но нам кажется, что культурные отношения между нашими странами стали более поверхностными. Мероприятиями, проводимыми в рамках Года итальянской культуры, мы хотели бы пробудить более глубокий интерес к Италии, увеличить количество молодежи, изучающей итальянскую историю, литературу, интересующейся итальянским кинематографом. Я уверен, что такая же цель и у моего коллеги Алексея Мешкова, вашего посла в Италии. Я верю в позитивный эффект того, что мы делаем. Мы получаем огромный отклик от российской аудитории, от российских газет, телевидения.

— Можете ли вы сказать, что имидж России и россиян за прошедшие несколько лет изменился?

— На протяжении многих лет Россия воспринималась большой частью итальянцев как очень близкая страна. Сейчас ваша страна стала более открытой и оживленной. Что поражает иностранцев, приезжающих в Россию, так это динамичность вашего общества. Очень большую роль играет молодежь. Ваши министры моложе наших министров, ваши директора моложе наших директоров, ваши журналисты моложе наших журналистов. Это создает свежее и многообещающее впечатление. Часть вашего имиджа связана с российскими туристами, которые являются очень хорошими потребителями. Наши туристические офисы показывали нам статистику, по которой видно, что большая часть российских туристов останавливается в пяти- и четырехзвездочных отелях. Для нас они очень интересные клиенты. Мы верим, что туризм — это один из способов улучшить отношения. Из ста тысяч русских, которые едут в Италию, возможно, пятьдесят человек купят дом, сто отправят детей учиться к нам (русские — самая большая национальная группа в нашем экономическом университете), многие станут нашими бизнес-партнерами. В прошлом году Генеральное консульство Италии в Москве выдало более 400 тысяч виз, в этом году их количество может увеличиться до 650–700 тысяч. Мы рассматриваем доходы от туризма не только как способ сбалансировать наши финансовые счета, но в основном как развитие двусторонних отношений. ■

Геворг Мирзаян

Италия молодая

Левые настроения и революционные идеи Гарибальди оказались очень созвучны итальянскому менталитету, но по-настоящему продуктивным для объединения нации стало прагматичное экономическое и инфраструктурное развитие

Италия как единая страна — для большинства из нас это звучит совершенно естественно и привычно. Нам кажется, что такой она была всегда. Родина русской души, отечество сердца, куда от русской трагической действительности время от времени сбегали почти все русские писатели и поэты, композиторы и художники. Но мало кому придет в голову, что, к примеру, Гоголь, живя в Риме в 1838 году, был вовсе не в Италии, а в Папском государстве, к которому тогда еще относились и сам Рим, и вся область Лацио. А столицей Италии Рим стал только в 1871 году, через 19 лет после смерти великого писателя.

Так что сейчас вся Италия празднует круглую дату: 150 лет назад практически весь полуостров был объединен под властью Савойской династии, правившей в Пьемонте. По всей стране проводятся праздничные церемонии, автоконцерны выпускают юбилейные спорткары, а футбольные суперклубы устраивают юбилейные матчи.

Радоваться есть чему. Всякое объединение нации в многообразной Европе — это чудо, а итальянская особенно. Отсутствие жесткой централизации и привычка к полемике, сохраняющиеся в итальянской политической традиции до сих пор, могли бы стать серьезным препятствием для образования единого итальянского государства. На Апеннинском полуострове не было такого лидера в экономическом, политическом и военном плане, каковым в Германии (тоже объединившейся в 1871 году) была Пруссия. На юге полуострова находилось абсолютистское Королевство обеих Сицилий во главе с Бурбонской династией. В центральной части полуострова было несколько мелких государств, возглавляемых герцогами и графами. В Риме правил папа. Северо-восточные территории (Ломбардия и Венеция) находились под властью Австрийской империи. Единственным государством, которое могло возглавить процесс объединения, было Сардинское королевство. Но у него в начале 1850-х не было для этого ни экономических ресурсов, ни великих воен-

ных стратегов наподобие фон Мольтке и фон Роона. Был лишь энтузиазм жителей всего полуострова, страстно желавших жить в одном независимом государстве. Никто и подумать не мог, что многочисленные мелкие государства, на протяжении веков бывшие ареной противостояния Франции, Испании и Австрии, за какие-то десять лет объединятся в единое королевство.

Многие считают, что произошло это благодаря **Джузеппе Гарибальди** — революционеру и харизматичному полководцу, вставшему во главе народных масс в войне против иностранных интервентов и реакционных правительств итальянских государств. Гарибальди стал национальным героем и кумиром молодежи, символом Италии. Однако настоящим автором объединения Италии — Рисорджименто — был человек с куда менее романтичным ореолом. Это граф **Камилло Бенсо ди Кавур**, в молодые годы заядлый картежник и авантюрист, а в зрелые — один из величайших экономистов тогдашней Италии. В отличие от Гарибальди он понимал, что у Италии нет сил, чтобы самостоятельно изгнать оккупантов и воссоединить полуостров под единым флагом. И он сумел сделать это по-другому.

Энтузиазма не хватило

Объединиться по методу Гарибальди — через общеитальянскую революцию — Италия пыталась в 1848–1849 годах. По всей стране прокатились революционные восстания против собственных реакционных правительств и австрийцев. Досталось и папе римскому — восставшие заняли Рим и изгнали понтифика. Всю Италию накрыло волной патриотизма (дошло до того, что жители Милана из принципа отказались покупать табак, монополия на продажу которого принадлежала Австрии), люди считали объединение Италии в республику практически свершившемся фактом.

Однако этого не произошло. Прежде всего из-за нехватки ресурсов — Северная Италия не могла в одиночку тягаться с Австрийской империей. Перегруппировав свои силы, австрийцы быстро разбили восставших ломбардцев и вене-

цианцев, а также пьемонтские войска, посланные им на помощь, и даже вошли в Сардинское королевство. Потерпев страшное поражение в битве при Новаре, сардинский король **Карл Альберт** отрекся от престола и сбежал в Португалию. Новым королем стал его сын **Виктор Эммануил II**, который был вынужден заключить униженный мир с Австрией и выплатить огромную компенсацию — 65 млн франков.

Революция 1848–1849 годов дорого обошлась не только Сардинскому королевству, но и всей Италии. Во всех итальянских государствах (кроме Сардинии) были восстановлены реакционные правительства, быстро отменившие дарованные населению конституции. Всякие реформы (в том числе экономические) были свернуты, итальянские государства погрузились в период экономического застоя. К тому же на полуострове стало одним оккупантом больше — под предлогом восстановления власти папы французские войска взяли Рим (его обороной руководил Джузеппе Гарибальди, вернувшийся в страну из Латинской Америки) и оставили там крупный гарнизон.

Революционные лидеры (те, кого не смогли расстрелять австрийцы или местные государи) объясняли свое поражение предательством буржуазии и порывались «начать все сначала». Однако Камилло Кавур сделал правильные выводы: он понял, что для объединения страны недостаточно одного патриотизма. Нужно было, во-первых, значительно укрепить центр притяжения на Апеннинском полуострове — Пьемонт, а во-вторых, найти могущественных союзников. «Для политика существует суровая необходимость прислушиваться к голосу разума, заставляя молчать голос сердца», — говорил Кавур. И этим он отличался от Гарибальди.

Сила и связи

Первый пункт Кавур стал реализовывать в 1850 году, когда вошел в состав правительства. Виктор Эммануил II поручил ему — лучшему экономисту Пьемонта — возглавить министерства промышленности, сельского хозяйства, торгов-

ли и военно-морских сил (в 1851 году к этому списку присоединился и портфель министра финансов, а в 1852-м Кавур возглавил кабинет). Он стал проводить глубокие экономические реформы: оптимизировал финансовую систему, снизил таможенные тарифы, основал Национальный банк, заключил торговые договоры с Великобританией и Францией. В стране резко выросло промышленное производство, увеличился объем иностранных инвестиций (прежде всего французских). Огромные средства власти тратили на создание инфраструктуры — в 1852 году за счет правительственных субсидий была построена телеграфная линия между Туринем и Генуей, а затем линии связи опутали все королевство. К 1859 году длина железных дорог в Сардинии превысила 900 км (против 8 км в 1848-м), что составляло около половины протяженности железных дорог во всей Италии. Сардиния превратилась в экономический центр Апеннинского полуострова, объем внешней торговли королевства составлял треть от общенационального. Когда экономические приготовления к войне закончились, Кавур посчитал, что настало время пригласить в Пьемонт эмоции и патриотизм — Джузеппе Гарибальди. С его помощью сардинский премьер-министр хотел перевести будущую войну с Австрией в статус общенациональной. «Гарибальди должен стать приманкой для волонтеров, должен появляться и исчезать!» — писал Кавур в мемуарах. Его расчет оправдался: в Пьемонте собралось 20 тыс. волонтеров со всей Италии.

Однако даже несмотря на все собранные силы и проведенные реформы, Пьемонт не смог выстоять против Габсбургов в одиночку. Нужен был союзник, и на эту роль Камилло Кавур выбрал Францию. Чтобы добиться благосклонности Парижа, Кавур втянул Сардинию в Крымскую войну, отправив к Севастополю 18 тыс. солдат (и с трудом уговорив горячего короля Виктора Эммануила II не ехать вместе с ними). Более 2 тыс. сардинцев остались лежать в крымской земле, но своей цели Кавур добился. В свою очередь, **Наполеон III** был готов поддержать Савойский дом в борьбе с Габсбургами — французский император хотел вытеснить из Италии Австрию и занять ее место (а также, при хорошем раскладе, захватить Неаполитанское королевство и некоторые государства Центральной Италии). Свою роль сыграли и опасения Парижа по поводу усиления в Италии революционных элементов (представители которых три раза организовывали покушение на Наполеона III, обвинив его — бывшего карбонария — в препятствовании объединению Италии). Ка-

вур же умело сыграл на этих опасениях. «Выбирайте, — говорил он. — Мы хотим объединения Италии на основе монархического принципа, наши противники стремятся к единству на основе демократической и социальной республики. Выбирайте и решайте поскорее, так как позднее мы будем бессильны разбить гидру революции, которая поднимается, чтобы поглотить Европу», — писал о тактике Кавура русский посол при папском дворе **Николай Киселев**.

В результате в январе 1860 года в Пломбьере между Францией и Сардинией был заключен секретный договор. Государства создавали наступательно-оборонительный союз с целью освобождения Италии от австрийской оккупации и создания под властью Савойской династии Королевства Верхней Италии путем присоединения к Пьемонту Ломбардии, Венеции и ряда территорий в Центральной Италии. В обмен на помощь Пьемонт обязался отдать Франции Ниццу и Савойю. Отдельно был оговорен статус Рима — Париж настоял на том, что папа римский должен сохранить власть в Вечном городе.

И Неаполь

Видя военные приготовления Пьемонта, Австрия решила нанести превентивный удар и вторглась на территорию королевства. Однако союзники разбили ее в битве при Мадженто и битве при Сольферино. Точнее, разбили французы — в обоих случаях абсолютное большинство солдат в войсках союзников составляли

подданные Наполеона III, который перебросил в Италию почти половину своей регулярной армии. Таким образом, Кавуру удалось выиграть войну с Австрией руками французов. Пока войска Наполеона III разбивали австрийские армии, пьемонтские части беспрепятственно захватывали ломбардские и центрально-итальянские города, в которых начались массовые восстания против австрийцев. И несмотря на то что Наполеон III, находясь под впечатлением от этих восстаний и осознав нереальность своего первоначального плана господства в Италии, пошел на заключение сепаратного мирного договора с австрийцами, пьемонтцам в итоге удалось добиться от Парижа выполнения условий Пломбьерского соглашения. Взамен обещанной Ниццы и Савойи Пьемонт получил Ломбардию и добро Франции на присоединение Тосканы, Романьи, Пармы и Модены. В Северной Италии под властью австрийцев осталась лишь Венеция.

Несмотря на достаточно удачное завершение войны, итальянские патриоты во главе с Гарибальди ее итогами были недовольны. Они грезили о полном объединении Италии и критиковали сардинского короля за его «недостаточно решительное» поведение. Кавур быстро нашел способ направить это недовольство в нужное русло. Гарибальди был благословлен на поход в помощь сицилийцам, восставшим против Бурбонской династии. Однако Кавур и представить не мог, во что выльется сицилийский вояж Гарибальди: высадившись 11 мая со своей «тысячью» в Сицилии, Гарибальди вскоре захватил все Неаполитанское королевство и намеревался идти на Рим. Это могло привести к краху всего Рисорджименто — было очевидно, что Франция вступит в войну в защиту папы. На Гарибальди было оказано колоссальное давление, после чего он не только отказался от идеи идти на Рим, но и передал Неаполь под юрисдикцию короля Виктора Эммануила. В результате 17 марта 1861 года Виктор Эммануил II стал первым сувереном Итальянского королевства. Окончательное объединение Италии произошло лишь через десять лет, причем тоже чужими руками. На этот раз прусскими. В апреле 1866 года в Берлине был заключен итало-пруссский договор, и уже в июне союзники начали войну с Австрией. Несмотря на поражение итальянской армии в битве при Кустоцци, Бисмарк сдержал слово: под контроль Италии перешла Венеция. А в 1871 году французы, воевавшие против северогерманского союзника, вывели свой гарнизон из Рима, и Вечный город стал столицей Италии. ■

Сергей Долмов

Воздух, который движет миром

Люди, работающие в Camozzi, буквально одержимы идеей продвижения пневматических узлов и механизмов в самых различных областях человеческой деятельности. Их увлеченность приносит хорошие плоды: компания — один из мировых лидеров на рынке промышленного пневматического оборудования

ПРЕДОСТАВЛЕНО КОМПАНИЕЙ CAMOZZI

В компании Camozzi убеждены, что у пневматики большое будущее. Внедрение электроники и компьютерных технологий в пневматические системы управления привело к симбиозу — мехатронике, в развитие которой Camozzi вкладывает значительные средства. При этом руководство компании не только инвестирует в собственную научно-исследовательскую базу и учебные центры для обучения своих партнеров и клиентов, но и широко поддерживает изучение пневматики в технических университетах и обеспечивает их специальной литературой. О том, как компания превратилась из традиционного семейного бизнеса в мирового гиганта на

рынке пневматической аппаратуры для промышленной автоматизации, «Эксперту» рассказал генеральный директор пневматического дивизиона Camozzi Spa **Марко Камоцци**.

— *Ваша компания была основана как семейное предприятие в Северной Италии. Как вам удалось превратить ее в бизнес мирового масштаба?*

— Действительно, большинство семейных компаний в Италии локальны, они редко выходят за пределы своего региона или страны. Но для Camozzi международный масштаб бизнеса с самого начала был приоритетом, поэтому компания начала искать новые возможности на других рынках — в Европе и Северной Америке.

С появлением в 1991 году на политической карте новой России открылись возможности для бизнеса в вашей стране. Тогда это еще было довольно рискованно, но мой отец, президент Camozzi Group Attilio Camozzi, верил в успех. И мы не ошиблись, российский рынок вступил в период бурного промышленного роста и стал для Camozzi приоритетным.

Примерно в те же годы компания начала свою экспансию в Индию, Китай, Бразилию, Мексику и Аргентину. Но наиболее быстро — и мне приятно это отметить здесь, в Москве, — развивается именно российское отделение Camozzi. За прошедшие 20 лет по всей стране создано более 20 филиалов, основано большое производство пневмати-

ческих цилиндров и систем управления в Подмоскowie и, главное, более 50 тысяч компаний в России стали нашими клиентами и партнерами.

В текущем году Samozzi стала лидером продаж в России. Нам принадлежит примерно 40 процентов всего российского рынка, и мы планируем к концу года превзойти объем продаж в 30 миллионов евро.

— Ощущает ли ваша компания себя проводником итальянского машиностроения в России?

— Действительно, Samozzi представляет в России традиционно развитый в Италии сектор машиностроения. Успех, которого добилась компания, лишний раз показывает, насколько машино- и станкостроение в Италии далеко продвинулось и какие глубокие исторические корни имеет. Итальянские станки и промышленное оборудование работают по всему миру благодаря своему высокому качеству и приемлемым ценам. А близость менталитета итальянцев и русских, стремление к открытости, доверию и взаимовыгодному сотрудничеству значительно облегчают совместную работу.

Я знаю, что Россия и Италия сейчас сотрудничают во многих высокотехнологичных отраслях — в авиастроении и космонавтике, ядерных исследованиях, серьезно развиваются совместные проекты в энергетике. И тот значительный вклад, который вносит Samozzi в развитие российского станкостроения, пищевой и упаковочной отрасли, промышленной автоматизации, — естественное продолжение широкого российско-итальянского сотрудничества.

— На рынке, где вы работаете, высокая конкуренция. Как вы с ней справляетесь?

— У нас сильные конкуренты в России, но нам удается их обыгрывать. Мы реализуем модель бизнеса, при которой органически сочетается огромный международный опыт Samozzi, уважительный подход и тонкое понимание национальной специфики. Мы не просто поставляем качественную пневмоаппаратуру по доступным ценам, но и предоставляем нашим клиентам и партнерам отточенную логистику. Важно, что в России у Samozzi нет менеджеров-иностранцев, успеха добиваются именно российские специалисты. Залог нашего успеха — в тесном каждодневном контакте с клиентами. В ходе таких встреч обсуждаются детали больших проектов, уточняются параметры систем, за проектирование и реализацию которых Samozzi берется. Другими словами, мы постоянно мониторим ситуацию и буквально «сверяем часы» с нашими покупателями.

— В эти дни отмечается 150-летие Итальянской Республики. Кроме того, 2011 год объявлен перекрестным годом России в Италии и Италии в России. Сказалось ли это на планах деятельности компании в России?

— Для Samozzi тесные российско-итальянские связи носят естественный рабочий характер. Можно сказать, что Samozzi своей работой в течение последних 20 лет расширяла и углубляла это российско-итальянское сотрудничество. Праздничный для наших стран год мы отметили поездкой представителей ведущих российских специализированных изданий по заводам концерна, расположенным в Северной Италии. Поездка состоялась в начале марта и была организована международным концерном Samozzi SpA совместно с российским подразделением ООО «Камоцци Пневматика». Кроме того, в течение всего года менеджеры по продажам из России будут посещать производства в Италии для ознакомительных целей.

— Вы сказали, что у компании есть производство в России. Что оно собой представляет?

— В 2006 году в Подмоскowie в поселке Чашниково компания открыла завод по производству пневматических цилиндров. На нем используются только оригинальные комплектующие, материалы и оборудование. Изначально завод был рассчитан на производство 50 тысяч цилиндров в год, но в 2010 году был расширен, и сейчас Samozzi выпускает около 100 тысяч цилиндров ежегодно. Главная цель проекта — быстрое изготовление и поставка пневмоцилиндров по заказам российских покупателей, большинство из которых получают свою продукцию уже на следующий день.

— Как вам удастся добиваться таких коротких сроков исполнения заказа?

— Сейчас ситуация на промышленном рынке в России развивается на

столько стремительно, что клиенты заинтересованы в очень коротких сроках поставки. Соответствовать этим требованиям мы можем за счет постоянного оттачивания логистики.

После внедрения ряда мероприятий на центральном складе и в производственном комплексе Samozzi в России, а также благодаря уменьшению сроков поставок готовой продукции из Италии удалось добиться коэффициента сервиса 0,72. Это означает, что 72 процента заказов (из примерно 250 поступающих ежедневно) отправляются российским потребителям в течение одного дня.

— Я знаю, что у компании есть интересная программа по поддержке вузов. В чем она состоит?

— Действительно, компания Samozzi разработала целую программу поддержки российских технических университетов. Всего в российских вузах работают 16 кафедр пневматики и гидравлики, но на них преимущественно изучают гидравлику. Дело в том, что советская тяжелая и военная промышленность опиралась именно на гидравлику, но сейчас российской промышленности нужны новые технологии — пневматика, электроника, автоматизация. Совместно с кафедрами Samozzi адаптирует европейские программы обучения пневматике для российских студентов и на бесплатной основе предоставляет обучающее дидактическое оборудование. Компания выплачивает именны стипендии наиболее одаренным студентам и спонсирует проведение студенческих олимпиад и конкурсов курсовых и дипломных работ, премирует победителей.

Таким образом, компания инвестирует в будущее. Тем более что в ближайшее время Samozzi в России понадобятся новые кадры. Существует вероятность, что в недалеком будущем наши восточно-европейские представительства будут подчиняться не центральному офису в Италии, а российскому отделению. ■

